

ТРУДНАЯ РАДОСТЬ ПОСТИЖЕНИЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

сиональной полезности человека, но никак не на раскрепощение всего многообразия его способностей, гармоническое его развитие.

В выступлениях делегатов братских компартий об этом говорилось, как об очевидном и важнейшем результате верной политической и практической деятельности нашей партии.

В выступлении такого принципа отношения к человеку, продемонстрированного съездом, направлено на создание и воспитание творца, сознательного участника общественной, не безликого индивида в многосложной машине государства, а деятеля, к которому надо проявить максимум внимания, чтобы получить максимальный творческий результат.

И, заглядывая в недалекое будущее, все легче представить себе, если не конкретного человека со всеми его индивидуальными особенностями, то ту общественную атмосферу, которая укрепит в человеке веру в его способность сокрушающих. Во имя этого мы работаем сегодня.

— Я хочу подхватить эти ваши последние слова, адресуя их в самом прямом смысле к деятелям культуры. Величественная программа совершенствования человеческой личности не может быть выполнена без самой активной работы в области культуры. И в этом смысле задача дальнейшего подъема культуры народа оказывается первоочередной.

— Слово «культура» переводится с латыни как возделывание. Культура возделывает духовный мир человека, обрабатывает его природные способности. Как же можно говорить об обществе будущего, не опираясь в первую очередь на столь емкое понятие, как культура?

В моем представлении культура — это также еще и феномен человеческой памяти с ее способностью к избирательности и накоплению.

Механизм памяти в этом смысле необыкновенно интересен и мало исследован, хотя пишут об этом много. Я имею в виду, разумеется, не чисто биологические исследования. Как складывается национальная, социальная культура? Что и почему передается забвению, что остается, становится как бы природной чертой, проявляется в каждом новом поколении? Какова динамика процессов культурного накопления?

Ведь, пожалуй, одним из краеугольных камней реакционной буржуазной культуры является отказ от прошлого, от преемственности в культурном развитии. Между тем В. И. Ленин развитие новой революционной культуры видел в освоении всего богатства культурного наследия. Противопоставляя цивилизацию культуре, буржуазные философы отстаивают антисоциальность человека, неизбежность столкновения с чуждым и враждебным ему миром. «Нам, сегодняшним, недоступна культура прошлых веков», — декларировал в свое время Освальд Шпенглер, — нам непонятны и чужды творения мастеров прошлого». В буржуазном мире метафизическая замкнутость и сегодня подменяет диалектику развития культуры, таким образом, обрушивая извечные ценности, которыми, как веками, отмечен путь, пройденный человечеством. Путь, сохраненный благодарной памятью поколений.

В ней, как в копилке, откладывается прежде всего то прекрасное, утверждающее жизнь, что произвело наиболее глубокое, сильное впечатление и осталось с человеком навсегда. Именно эта особенность индивидуальной памяти формирует память общественную и создает оценки, не подвластные времени и моде. Из них и состоит история культуры, основа ее прогресса. Вот почему так важно понять механизм человеческой памяти, принципы ее великой избирательной работы по определению истинных культурных ценностей.

Наверное, каждый художник ведет для себя такое исследование, раздумывая над природой успеха или неудачей своего произведения: при том, что он неизбежно сталкивается в оценках зрителей с огромным разнообразием взглядов и суждений. И тем не менее в общественной критике всегда выступает какая-то главная, доминирующая тенденция. Она-то и решает будущее произведения.

Я, как и каждый художник, с огромным интересом жду после выхода своей новой картины зрительских писем. Тут меня интересуют не только признание или отрицание. Интересуют анализ, направленность вкуса, глубина восприятия...

— Видимо, разнообразие в восприятии произведений искусства будет всегда, и это скорее стимул к прогрессу, чем тормоз творчества. Существенно, назовем, обрести уверенность в умении людей распознавать объективную художественную ценность даже того, что тебе неприемлемо по личным пристрастиям. Некая субъективность оценки неизбежна в столь субъективной области человеческой деятельности, как искусство. Но вот научить отличать золото от фольги — это и есть одно из существеннейших направлений работы по подъему культуры народа.

— Несомненно. Самое наслаждение искусством предусматривает определенные усилия для постижения художественной, эстетической стороны произведения. Но я убежден: труд, направленный на это постижение, сами усилия человека в этом направлении облагораживают его и поднимают по ступеням культуры.

Мы сегодня всячески облегчаем человеку его труд. Машины заменяют мышцы, научно-технический прогресс дает помощников памяти, управлению, планированию, открывает пути в тайны микромира и космоса. Скорость становится фетишем, скорость в преодолении пространства для экономии времени. Скорость в процессе производства и удобства процессов потребления. Научно-технический прогресс совершенствует и облегчает не только сферу материального производства. Он властно вмешивается в духовную жизнь людей. И вот тут намечаются, по-моему, некоторые противоречия.

Смешно сегодня усомниться в полезности телефона и телеграфа, но с их появлением утратилось значение письма и выродился эпистолярный жанр, а значит, и те усилия к уточнению и формулированию мыслей, которые надо было совершать пишущему.

Литературные произведения наговариваются сразу на магнитофонную ленту и чуть ли не прямо с нее идут в печать. А, быть может, скоро не надо будет и книги — заложенный в аппарат моток пленки разительно прочтет то, что раньше называлось страницами книги, и расставит в нужных местах идейные и художественные акценты.

В современном человеке открылась и властная заявила о себе склонность к комфорту, освобождению от лишнего усилий. Черта понятная и вместе с тем тревожная, если фетишизировать эти устремления.

Созданные нашим веком средства распространения художественных ценностей и информации — магнитофон, кино, радио, телевидение представляют собой исключительную просветительную силу. Их всеохватность играет огромную воспитательную роль. Поэтому они требуют особого внимания и ответственности.

Я высоко ценю телевидение. Для нашей бескрайней страны его развитие важно чрезвычайно. В тот же самый час, когда столица следит за выдающимися политическими событиями, репортажем о космическом полете или олимпийском спортивном поединке, миллионы людей в деревнях, прямо на полевых станах,

жители далеких окраин страны участвуют в этом просмотре. Телевидение ведет на выставку выдающегося художника, на премьеру спектакля, на торжественный концерт. Оно придает явлению масштаб всеобщий, сближает город и деревню.

Но вместе с тем сам механизм постижения искусства с помощью телевидения оказывается чересчур легким. Он уносит частицу труда человека в приобщении его к прекрасному. Телепрограмма пришла к нему прямо в дом, как служанка, и заполнила комфортабельным отдыхом свободное время. Она стала привычной спутницей вечера, заполняя часы, гипнотизируя мельканием кадров и журчанием слов.

Однако не следует забывать, что это не просто телепрограмма, это труд художника пришел в дом к человеку, его талант, обработанный знанием, умением, способностью к синтезу. Чтобы серьезно постигнуть этот труд, надо потрудиться и зрителю, стать в какой-то мере равным художнику, соучастником творчества. Вот тут-то я и вижу некоторое противоречие, которое заключается в особой комфортности условий восприятия искусства с помощью телевидения и происходящего вследствие этого снижения художественной, а порой и идейной нагрузки телепрограмм.

Первое естественно порождает второе.

...С античных времен и по сию пору театр существует не только как само представление, но и как место сближения людей для совместного переживания. Придя на выставку, на концерт, в кинозал, чувствуешь свою сопричастность духовной жизни коллектива.

Человеку нашей страны свойствен коллективизм, мы его воспитываем с детства. Радостью соединяет свое собственное мироощущение с мироощущением множества людей неполное участие в демонстрациях.

В странах капитала стачки рабочих, требования, выдвигаемые от имени класса, массовые антивоенные выступления основаны на той же духовной общности людей, их стремлений утвердиться в своем праве, заявить открыто вместе с другими свои взгляды. Гражданская активность — это важнейший элемент человеческой культуры, и именно эта особенность культуры формирует социально активную личность.

Вот почему в наш век научно-технического прогресса мы начинаем опасаться комфортности потребления духовных богатств, беструдности их восприятия, когда искусство оборачивается легким хлебом зрелища, развлечения, времяпрепровождения.

— Вы высказали весьма серьезные и обоснованные опасения, Сергей Аполлиарьевич, хотя, быть может, они могут показаться и спорными. Не обратил ли на них внимание — значит затруднить культурное развитие общества, воспитание человеческой личности. И помочь здесь следует ждать прежде всего от самих же деятелей культуры, от их пропагандистской работы с людьми. И, разумеется, от уровня произведений, их воспитательной, нравственной ценности. Ибо, несомненно, велика роль искусства в формировании сознания человека, его отношения к явлениям жизни, а следовательно, и культуры. В этой связи одним из существеннейших представляется вопрос о нравственном идеале, которым должен руководствоваться в своем творчестве советский художник.

— Если проследить, как сознание поколений избирало свой нравственный идеал из жизненного опыта людей, можно только подивиться его устойчивости. И порадоваться его чистоте.

Попробуйте приложить этот нравственный критерий к стереотипам

современного буржуазного искусства. Даже если это самые беспринципные, разнузданные, постыдные плоды нынешнего художественного промысла, чем так богаты зарубежная литература и кинематограф. Там ныне пускаются во все тяжкие, возбуждают, поражают, пугают людей, но прикрываются при этом стремлением якобы активизировать человеческий дух против нарушенного нравственного идеала. Они сознательно пропагандируют запретное, то есть звериное, лежащее за пределами человеческой нравственности, принимая при этом позу борцов за нравственность.

Разумеется, игра эта давно уже не может ввести в заблуждение. Все понимают, что под видом разоблачения тут утверждается нравственная анархия, как неодолимая логика развития жизни, как «извечная и, наконец, раскрепощенная» природа человека. Но тем не менее и они как бы не исключают нравственный идеал, а подразумевают его, кокетливо сокрушаясь: смотрите, как это привлекательно, но ведь в то же время как дурно, смотрите, куда мы идем!

От века известно, что такой способ отражения действительности, который рекламируется как свобода творчества, или абсолютная правда, есть не только вредная, но и крайне опасная игра, по правилам которой искусству отводится роль камуфляжа, прикрывающего прямую пропаганду философии «общества потребления», где перечеркиваются все выстраданные человеком нравственные ценности, такие, как любовь, долг, честь, красота, добро...

Культура нашей страны, заложенная победой нового социального строя, зиждется на принципиально ином фундаменте. Она воплощает извечное стремление человека организовать такой жизненный порядок, где право на разумную, созидательную жизнь определено каждому, где существуют равенство не только в распределении благ, но и еще более глубокое равенство в созидании благ. Вот откуда истоки нашего понимания счастья как осмысленного, творческого труда каждого. И эта нравственная идея стала мерой практической жизни общества во всех его проявлениях.

Для художника-коммуниста такой жизненный принцип неотделим от его творческой практики.

Следуя ему, трудно заблудиться, если не искать способов увернуться, смягчить для себя высокую требовательность этой меры, подменить диалектику развития жизни констатацией зримых несовершенств окружающего мира.

При всей видимой сложности проникнуть в темные глубины сознания все же проще, чем подняться к вершинам жизни человеческого духа... но именно на это последнее должны быть направлены талант, опыт, мастерство.

Об этом не раз напоминал Довженко. Обширно одаренный, он видел целью художника украшение мира. Он учил этому своих зрителей и нас, своих товарищей по труду.

И сейчас, когда я хочу представить себе человека высокой духовной культуры, человека XXI столетия, то я представляю не работающего, не усталого, обвешанного комфортом супермена, не ограниченного технократа, а ведомого мне человека, беспредельно любящего жизнь, ее прошлое, настоящее, будущее, всю окружающую нас волшебную природу, всю красоту мира. Одним из таких людей и был Александр Петрович Довженко. Масштабом его личности я готов измерить понятие «культура человека».

И, сидя в зале заседаний Кремлевского Дворца съездов, я думал еще и о том, что тысячи коммунистов, съехавшихся в этот зал со всех концов земли, — люди того же крещения, того же масштаба — сверстники нашего коммунистического века.

Вел беседу Е. СЕМЕНОВ.